

Жданова Людмила Александровна

Zhdanova Lyudmila Aleksandrovna

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры

PhD in History, Associate Professor, History, Cultural and Museum Studies Department, Krasnodar State Institute of Culture

«БИБЛЕЙСКИЙ САД» В КУБАНСКОМ ИМЕНИИ КРЕСТЬЯН МАЗАЕВЫХ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ РЕШЕНИЯ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

“BIBLE GARDEN” IN THE KUBAN PEASANT ESTATE OF MAZAEV: SPATIAL DECISIONS AND CULTURAL CONTEXT

Аннотация:

В статье рассмотрены вопросы, связанные с сохранением садово-парковой архитектуры рубежа XIX–XX вв. Садово-парковые ансамбли как неотъемлемый элемент усадебной культуры представляют собой важную составляющую национального наследия. Безвозвратно утраченные усадьбы унесли с собой значительную часть русского садово-паркового искусства, восстановление которого сегодня требует больших усилий. Однако этот процесс необходим, поскольку реконструкция «картин» прошлого во многом способствует пониманию процесса русского паркостроения конца XIX – начала XX в., особенности которого проявились в «пересоздании» среды обитания по законам красоты, с учетом миропонимания, характерного для рубежа веков, сочетающего контрастные духовно-эмоциональные устремления. В статье на примере усадебного парка И.И. Мазеева показан садово-парковый ландшафт, сформировавшийся в результате синтеза природной среды и мировоззренческих установок владельца.

Ключевые слова:

пореформенная усадьба, садово-парковая архитектура, сохранность усадеб, природная среда, мировоззренческие установки усадебовладельца, единение с природой, имение крестьян Мазеевых, Кубань.

Summary:

The study discusses the problems of preserving the estate garden and park architecture designed at the turn of the 19th–20th centuries. Gardens and parks as an integral element of the manor culture represent a great component of the national heritage. The irretrievably lost manors have led to the disappearance of a considerable part of the Russian landscape architecture that is hard to be restored. However, this process is necessary as the reconstruction of the past objects in many respects makes it possible to understand the features of the Russian park building of the late 19th – early 20th centuries. It is characterized by the recreation of the habitat under laws of beauty taking into account the outlook characteristic of the turn of centuries that combines contrast spiritual and emotional attitudes. By a case study of the estate park of I.I. Mazaev, the research demonstrates the park and garden landscape formed as a result of the synthesis of the natural environment and worldviews of the estate owner.

Keywords:

post-reform estate, garden and park architecture, preservation of estates, natural environment, worldviews of estate owner, unity with nature, peasant estate of Mazaev, Kuban region.

В последние десятилетия историография усадьбы значительно пополнилась работами, рассматривающими усадьбу как важнейшую составляющую русской культуры. Благодаря активной работе историков, архитекторов, искусствоведов и других специалистов локальное изучение усадьбы, многие годы сконцентрированное в центре страны, постепенно уступает место региональным исследованиям, которые представляют усадьбу в ином, несколько провинциальном, лишённом пышности среднерусских имений, но не менее притягательном образе.

Пережившая на своем эволюционном пути «золотой век» и годы забвения, русская усадьба по-прежнему раскрывает ученым новые грани своей загадочной красоты. В фокусе исследовательской оптики усадьба рассматривается не только как производственный комплекс, «экономика», рационально организованное хозяйство, но и как центр культурной жизни провинции.

Благодаря возросшему интересу к усадьбе как важнейшей составляющей культурного наследия России подробно рассмотрены вопросы типологии усадьбы, ее архитектура, духовное и социокультурное значение. Такой широкий спектр непременно затрагивает проблему усадебных садов и парков, которые все еще недостаточно изучены. Это обстоятельство вызывает определенную тревогу в связи с тем, что на сегодняшний день сохранность садово-парковых ансамблей крайне мала, а те частицы некогда усадебного рая, которым посчастливилось, хоть и в искаженном виде, дожить до наших дней, все еще не исследованы.

Изучение садово-парковой архитектуры необходимо еще и потому, что постижение природного богатства усадьбы позволяет понять стремление русского человека к единению с природой, которое на рубеже XIX–XX столетий было особенно остро. Изысканные ландшафтные картины, «написанные» в усадьбах, контрастировали с образом шумного города, совсем не похожего на пасторальные сюжеты усадебной жизни, создаваемые ее владельцами – где-то наивно и простодушно, где-то страстно и бескомпромиссно, но всегда искренне и открыто.

Как и сама усадьба, ее ландшафтная составляющая может многое рассказать о своем владельце. Эта сторона усадебного мира в равной степени интересна как отечественным, так и зарубежным ученым. Исследователей привлекают увлечения, мечты, образ жизни владельцев усадеб [1].

Говоря об усадьбе конца XIX – начала XX в., мы в меньшей степени концентрируемся на сословной принадлежности усадебовладельца, имея в виду тот факт, что в этот период в экономическом пространстве страны усилились процессы интеграции различных социальных групп. Владельцами усадеб были дворяне, купцы, мещане, крестьяне, разночинная интеллигенция, чиновники. Сформировался единый тип «культурного хозяйства», независимый от сословия его владельца [2, с. 124].

Являясь зеркалом, в котором отражались взаимоотношения усадебовладельца с окружающим ландшафтом, усадебный парк дарил своим обитателям подлинное ощущение спокойствия. Почти молитвенное состояние рождалось в тенистых аллеях, так похожих на библейский сад, в образе которого все больше ценились не внешний блеск и показное величие, а сокровенность и поэтичность внутреннего наполнения. Именно таким местом стал «Библейский сад» Ивана Мазаева в его кубанском имении.

О семейной биографии усадебовладельца подробно рассказано в выпуске № 4 журнала «Общество: философия, история, культура» за 2016 г. Мы лишь напомним о том, что известность семья Мазаевых получила благодаря пожертвованию своей коллекции «предметов старины» в дар Кубанскому войсковому этнографическому и естественно-историческому музею (ныне – Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына) [3].

В статье сосредоточимся на усадебных «сюжетах», «написанных» владельцем имения. Фигура Ивана Ивановича Мазаева вызывает двойное впечатление. С одной стороны, это крестьянин, которых на Кубани в период массовой колонизации было много. Основной вид деятельности крестьян определялся аграрной спецификой региона (в данном случае речь идет о владении выгонными землями – сотнями гектаров, покрытых кормовыми травами и используемых в качестве пастбища для скота). С другой стороны, личность Мазаева, как и его братьев, свидетельствует о том, что в крестьянской семье, несмотря на простоту быта и суровый нрав отца (об этом И.И. Мазаев пишет в своих «Записках»), в детях неподдельным было стремление к познанию мира не только через совершенствование бытовых навыков, необходимых для ведения большого хозяйства, но и через учение.

Из воспоминаний Гавриила Ивановича Мазаева – младшего брата Ивана Ивановича, видно, что грамоте дети обучались дома. С ранних лет были приобщены к чтению Священного Писания, что, вероятно, во многом стало духовной базой, которая позволила в будущем воплотить сформированные идеалы и ценности в различных сферах деятельности [4].

Пожалуй, основным источником, позволяющим проследить процесс взросления и формирования личности И.И. Мазаева, являются его «Записки», изданные в 1911–1913 гг. Воспоминания связаны с детскими и юношескими годами. Большое внимание автор уделяет не только взаимоотношениям в семье, но и различным ситуациям, возникавшим между владельцами соседних экономий. Это дает возможность составить некоторые представления о ближайшем окружении Мазаева. Ранимый, вместе с тем очень искренний и прямолинейный, Иван Иванович открыто «пишет» портреты владельцев экономий, не скрывая своего разочарования по отношению к некоторым из них. Называя их людьми, которым «не достает пузырька», он сравнивает землевладельцев с героем одной из историй «1001 ночи», который потерял богатство и здоровье из-за своей алчности [5].

Повседневность владельца экономии лишена романтических иллюзий, о чем рассказывает И.И. Мазаев в четвертом выпуске «Записок»: «...лишь наставала весна, лето, я уже не знал праздников: чуть свет, я уже приезжал в Лежанку нанимать косарей, стогометов, девок месячных и на срок и стоял посреди базара с утра до полудня. Наняв 300, а иногда и 500 косарей, да стогометов человек около 100, я отправлялся домой. <...> Вечером приезжали в экономию. Кругом экономии стояли таборы косарей, отбивавших косы, всюду разносился стук молотков о косы, около кладовой тоже толпились косари, требуя “харчей” и сбрую, бичеву, вилы, грабли, чашки, и сейчас становились казаны на огонь и начинали варить. Показался с одной стороны дым, потом с другой, третьей... и все задымилось, послышались песни, и в особенности одна из них любимая косарская песня “Александры дома нету”». Иногда, когда хозяйские дела не ладились, И.И. Мазаев думал о купцах: «У купцов-ссыпщиков приказчики неумелые, а ведь какое большое жалование они им платят. А за что?» И, словно оправдывая соседей, снова размышлял: «Они, купцы – благородны, за делом смотреть ленятся и не видят, как там приказчик принимает. Они просто не знают, что он неумелый, но он давно живет, вот и платят ему» [6].

В этих словах читается отношение И.И. Мазаева к «благородному» сословию, которое, несмотря на небрежность в отношении собственного же имущества, представляется сыну крестьянина совершенно иным, достойным внимания и как минимум не заслуживающим осуждения.

Возможно, осознание скромности своего происхождения побуждало к созданию чего-либо не свойственного представителям данного сословия: «У меня большая охота создать что-нибудь невиданное, неслыханное, хорошее», – писал И.И. Мазаев [7]. И это «невиданное» действительно нашло воплощение в усадьбе Мазаева, где «стоял двухэтажный с мезонином деревянный дом хозяина. Веранды обеих этажей сверкали радужными треугольниками разноцветных стеклышек. Внутри дома все блестело серебром, золотом. На стенах в позолоченных рамах – картины выдающихся мастеров живописи – Микеланджело, Рембрандта, Рафаэля и других художников. Паркетные полы покрыты дорогими коврами. Ступеньки круговой лестницы, ведущей на второй этаж, тоже в коврах... Мазаев посадил прекрасный декоративный сад. В нем были строго ровные аллеи с роскошными беседками и статуями и два чудесных искусственных озера с фонтанами на островках... Белые каменные статуи стояли в наиболее красивых местах» [8].

Конечно, вызывает сомнение подлинность картин великих мастеров в доме крестьянина. Скорее всего, стены усадебного дома украшали копии известных картин. Возможно, некоторые из них сделал сам хозяин.

Обследуя садово-парковую часть имения И.И. Мазаева, а точнее то, что от нее осталось сегодня, И.К. Бойко пишет: «Здесь особенно много боярышника... Природа словно создала его специально для украшения парков и скверов в наших страдающих от зноя и засухи местах. Не случайно его привезли с Крыма сюда Мазаевы... В нескольких местах встречается жасмин. <...> Поразительно красив еще один кустарник... <...> Это... один из множества разновидностей кизильника, ...в роще клены, ясень, глядячая акация, скумпия, бузина, калина, белая акация и редко встречающийся в нашем районе тополь серебристый. <...> Встречаются в бывшем поместье Мазаевых и плодовые растения: терн..., алыча, абрикос, слива. <...> В... пруду когда-то было много рыбы. <...> Второй пруд, соединенный при Мазаевых каналом с первым прудом, расположен севернее от места, где мы начали путешествие по бывшему имению. Канал сохранился. Глубина его достигает семи метров. А второй пруд уничтожили в советское время. <...> На островах, расположенных в прудах когда-то, еще при нынешнем поколении, были остатки статуй. Затем их “добили” до конца. <...> Память об этом райском уголке уничтожают уже почти сто лет» [9].

«Хранителем» памяти и «рассказчиком» о необычных увлечениях крестьянина остается дошедший до наших дней альбом И.И. Мазаева «Библейский сад» (рисунки 1, 2). В художественном альбоме собраны фотоснимки скульптурных работ и картин, а также представлены надписи, объясняющие замысел художника, которые автор помещал на собственноручно изготовленных произведениях искусства, располагающихся на площадях, дорожках и аллеях сада.

Рисунок 1 – И.И. Мазаев рассматривает камень. Фото из альбома «Библейский сад»

Об отношении Мазаева к своему детищу красноречиво повествуют незамысловатые стихотворные строки садовода-любителя:

Здесь середина будет пруда;
Влево земли насыпана гряда;

<...>

Я уверен, что будешь ты знать:
Вряд ли найдешь такой еще сад [10].

Рисунок 2 – Аллея в усадебном парке Мазаева. Фото из альбома «Библейский сад»

По предположению И.К. Бойко, большое влияние на Мазаева-садовода могло оказать посещение Крымских дворцов, учитывая, что до приезда на Кубань семья проживала в Таврической губернии. В обустройстве усадебного парка Иван Мазаев, судя по всему, следовал канонам, принятым в усадебном паркостроении второй половины XVIII в., что предполагало сочетание пасторального пейзажа с мифологическими героями на фоне природы. Вместе с тем облик его был довольно эклектичным: романтическая натура хозяина стремилась создать среду, пребывая в которой человек как бы совершает путешествие сквозь века. Отказ от догматов классицизма, свойственный второй половине XIX столетия, способствовал наполнению пространства сада множеством ассоциаций с мировой историей и культурой.

Очевидно, что идею библейского сада, как и знания об истории мировой культуры, И.И. Мазаев получил из книг. Собственное понимание «Библейского сада» он выразил не только в его планировке, подборе растений, но и в наполнении пространства художественными элементами. В саду хозяин разместил скульптуры «Ангел с трубой», «Жених и невеста», «Две нищих вдовы», «Всадник», «Храм Соломона», «Иерусалимский храм», «Скиния Моисеева» и другие. Надписи поучительного характера на скульптурах содержат глубоко личностное переживание религиозного чувства. Иван Иванович словно стремится уберечь посетителей сада от соблазнов мирской жизни, призывая к соблюдению библейских заветов. Картины религиозного содержания И.И. Мазаев также сопровождал надписями-размышлениями, которыми словно обличал себя: «Прощай, тело! Только теперь я почувствовал, что душа жила отдельно от тела...» [11].

С одной стороны, такое «сотворение» собственного «Библейского сада», который привлекал своей необычностью современников, пробуждает в человеке возвышенные чувства, в очередной раз доказывая стремление простого человека к заимствованию образа жизни более именитых и образованных современников. С другой стороны, таким образом создается неповторимый культурный ландшафт – жизненное пространство, наполняемое сугубо личностными прагматическими, семантическими и символическими идеями, которые служат основой для построения специфической среды. Эта среда формирует отношения человека, культуры и территории, превращая их в целостный социокультурный феномен [12, с. 10].

Спасавшие от южного летнего зноя тенистые аллеи «Библейского сада» не требовали сложного ухода и вполне были приспособлены к неспешным прогулкам. Но основная концепция сада заключалась не в его комфортности. Хозяина, стремившегося создать «уголок рая на земле», влекло к более высоким идеалам. Мировоззренческие установки И.И. Мазаева подчеркивали знаковость всех элементов ландшафтной композиции, заключающейся в глубоко религиозном самосознании усадебовладельца.

К сожалению, отдельные виды мазаевского сада сохранились только на страницах альбома. Скульптуры давно утрачены. В архивных документах и воспоминаниях людей Мазаевы часто упоминаются как жестокие люди и требовательные хозяева. А поскольку дерево рода довольно разветвленное, сложно проследить, по отношению к кому из братьев Мазаевых народная молва так непримирима. Вместе с тем не единичны случаи, когда один архивный документ противоречит другому, и необходимо дальнейшее тщательное изучение вновь открывшихся обстоятельств. Тем не менее хочется верить, что человек, когда-то создавший «Библейский сад» на

кубанской земле, был достойным уважения. И, несмотря на то что от усадьбы И.И. Мазаева почти ничего не осталось, есть надежда, что в культурной памяти поколений сохранится ее образ, останутся светлые воспоминания о человеке, воплотившем свои мечты о счастье на кубанской земле.

Ссылки:

1. Нащокина М.В. Ботанические сады и дендрарии русских усадеб XVIII – начала XX века // Русская усадьба : сборник Общества изучения русской усадьбы. СПб., 2017. № 22 (38). С. 310–331 ; Hayden P. British Seats on Imperial Russian Tables // *Garden History*. 1985. Vol. 13, iss. 1. P. 17–32. <https://doi.org/10.2307/1586754>.
2. Савинова Е.Н. Социальный феномен купеческой усадьбы // Русская усадьба. М., 2003. № 9 (25). С. 123–132.
3. ГАКК (Гос. арх. Краснодар. края). Ф. 449. Оп. 2. Д. 783.
4. Мазаев Г.И. Воспоминания [Электронный ресурс]. URL: [http://viber.propovednik.com/media/np3/Литература/Воспоминания%20\(Г.И.%20Мазаев\).pdf](http://viber.propovednik.com/media/np3/Литература/Воспоминания%20(Г.И.%20Мазаев).pdf) (дата обращения: 29.01.2018).
5. Записки Ивана Ивановича Мазаева: воспоминания детства, отрочества и более позднего периода. Ростов н/Д., 1913. № 4. С. 102–103.
6. Там же. С. 103–104, 106.
7. Там же. С. 106.
8. Бойко И.К. Сад искусств крестьян Мазаевых // Кубанский сборник. Т. V (26). Краснодар, 2014. С. 318.
9. Там же. С. 318–320.
10. Записки Ивана Ивановича Мазаева ... С. 2.
11. Там же. С. 14.
12. Естрина О.В. Культурный ландшафт как фактор бытийности социокультурного пространства региона // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2015. Т. 21, № 7 (167). С. 9–11.

References:

- Boyko, IK 2014, 'The Garden of arts of the peasants Mazaev', *Kubanskiy sbornik*, vol. 5 (26), Krasnodar, pp. 318-320, (in Russian).
- Estrina, OV 2015, 'Cultural landscape as a factor of the being of the social and cultural space of the region', *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, vol. 21, No. 7 (167), pp. 9-11, (in Russian).
- Hayden, P 1985, 'British Seats on Imperial Russian Tables', *Garden History*, vol. 13, iss. 1, pp. 17-32. <https://doi.org/10.2307/1586754>.
- Mazaev, GI 2018, *Memories*, viewed 29 January 2018, <[http://viber.propovednik.com/media/np3/Литература/Воспоминания%20\(Г.И.%20Мазаев\).pdf](http://viber.propovednik.com/media/np3/Литература/Воспоминания%20(Г.И.%20Мазаев).pdf)>, (in Russian).
- Nashchokina, MV 2017, 'Botanical gardens and arboretums of Russian manors of the 18 – early 20th centuries', *Russkaya usad'ba : sbornik Obshchestva izucheniya russkoy usad'by*, St. Petersburg, No. 22 (38), pp. 310-331, (in Russian).
- Notes of Ivan Ivanovich Mazaev: memories of childhood, adolescence and later period* 1913, Rostov-on-Don, No. 4, pp. 2, 14, 102-104, 106 (in Russian).
- Savinova, EN 2003, 'The social phenomenon of the merchants' manor', *Russkaya usad'ba*, Moscow, No. 9 (25), pp. 123-132, (in Russian).